

DOI 10.32726/2411-3417-2021-1-129-144

УДК 327; 338; 339

ПЕТР ЯКОВЛЕВ

Ключевые разломы в системе международных отношений

Аннотация. На плотном отрезке времени, отмеченном повсеместным распространением пандемии коронавируса, произошло ускорение процесса изменений сложившегося мирового порядка, во многом трансформировалась сама система геополитических связей. Фундаментальные последствия этих тектонических сдвигов, начавшихся за несколько лет до появления COVID-19, еще предстоит в полной мере осмыслить и оценить. Но уже сегодня можно зафиксировать тренды, развитие которых чревато глубокими разломами в международных отношениях и напрямую затрагивает геостратегические интересы Российской Федерации.

Ключевые слова: кризис мирового порядка, Европа, Азиатско-Тихоокеанский регион, индо-тихоокеанская стратегия, США, Китай, интересы России.

Коррозия геополитической стабильности на фоне роста международной неопределенности и конфронтационности все явственнее приобретает тотальный характер, поскольку в той или иной степени присутствует практически во всех уголках земного шара. Однако доминантой такого развития событий стали, на наш взгляд, перемены на европейском континенте, представляющем собой историческое ядро так называемого коллективного Запада, а также в крупнейшем Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР).

Ускорившееся в условиях пандемии коронавируса наложение разнонаправленных и противоречивых событийных рядов способно еще больше повысить градус конфликтности и вызвать новых «черных лебедей» — непредсказуемые негативные эффекты, потрясения и кризисы на международной арене.

Очередное «похищение Европы»

Не секрет, что в последние годы Европейский союз (и Европа в целом) стал терять вес в мировой экономике и политике. В основе этого явления лежит ряд факторов, одни из которых носят объективный характер, а другие — закономерное следствие

Сведения об авторе: Яковлев Петр Павлович — руководитель Центра иберийских исследований Института Латинской Америки (ИЛА) РАН, профессор Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова, доктор экономических наук; petrp.yakovlev@yandex.ru.

далеко не всегда продуманных и рациональных политических действий правящих кругов самих европейских государств и их главного союзника в лице Соединенных Штатов.

К наиболее существенным объективным причинам нового «похищения Европы» можно в первую очередь отнести радикальные изменения в соотношении экономических и научно-технологических потенциалов между главными мировыми игроками в пользу Китая и ряда других азиатских стран. Среди же субъективных следует назвать *Brexit*, политический «развод» Брюсселя с Москвой, но главное — демонстративно пренебрежительное отношение к Евросоюзу со стороны администрации Д. Трампа, материализовавшееся в срыве подписания соглашения о Трансатлантическом торговом и инвестиционном партнерстве (ТТИП) [Яковлев Трансатлантическое партнерство...], в торговых войнах и ограничениях на импорт в США товаров из государств-членов ЕС, в «выкручивании рук» Европе по поводу наращивания военных расходов в рамках НАТО и т. д. В результате евро-атлантическая солидарность стала «трещать по швам» [Яковлев Время европейских тревог...].

В финансово-экономической сфере особое беспокойство в европейских столицах вызвали практикуемые американскими властями так называемые вторичные санкции — введение ограничений против тех компаний, стран или физических лиц, которые «делают бизнес» с подсанкционными экономическими акторами. Именно при Д. Трампе в августе 2017 г. механизм вторичных санкций был закреплен федеральным законом № 115–44 [Countering America's...] и принял законченный экстерриториальный характер — стал все шире применяться в отношении компаний, банков и отдельных лиц зарубежных государств, включая членов Европейского союза.

Хотя экстерриториальный эффект санкционного законодательства США в правовом смысле не признается руководящими органами Евросоюза, огромное финансово-экономическое влияние Вашингтона вынуждает европейские компании подчиняться его давлению — вплоть до уплаты штрафов в пользу американской казны за сделки с предприятиями подсанкционных стран либо отказа от таких (нередко весьма выгодных) сделок. В частности, оказавшись под американским прессом, ряд ведущих европейских транснациональных корпораций (ТНК) понесли крупные убытки от аннулирования бизнес-проектов в Иране. Германская машиностроительная компания *Siemens* потеряла 1,5 млрд долл., разорвав контракт в сфере железнодорожного строительства; французская энергетическая *Total* лишилась 2 млрд долл., вложенных в газовое месторождение *South Pars*; европейская авиастроительная *Airbus* потеряла заказ стоимостью 19 млрд долл. от иранской *Iran Air* [Geranmayeh, Hackenbroich].

Однако в конечном счете попытки Белого дома с помощью методов «трампономики» и неопротекционизма экономически «прижать» Евросоюз и получить односторонние выгоды провалились, о чем убедительно свидетельствуют данные о торговле США с ЕС-27 (без Соединенного Королевства) в 2016–2020 годах (табл. 1).

Таблица 1

Торговля США с ЕС-27 (товары, млрд долл.)

Показатель	2016	2017	2018	2019	2020
Экспорт	216,0	227,6	253,1	268,9	233,0
Импорт	370,2	390,6	436,6	461,7	424,6
Сальдо	-154,2	-163,0	-183,5	-192,8	-191,6
Товарооборот	586,2	618,2	689,7	730,6	657,6

Источник: ITC. Trade statistics for international development. — trademap.org/Bilateral_TS.aspx

Как видим, несмотря на введенные ограничения и барьеры (а чаще — на угрозы их применения), импорт США из стран Евросоюза в 2016–2019 гг. вырос почти на 25% и составил исторически рекордную сумму, превысившую 491 млрд долл. Более того, в 2019 г. беспрецедентного размера (почти 193 млрд долл.) достигло отрицательное для Соединенных Штатов сальдо в торговле с ЕС.

Точки над *i* расставил коронакризис, в период которого, по мнению газеты *The New York Times*, администрация Д. Трампа еще больше обострила и без того «антагонистические» отношения с Евросоюзом, запретив (без консультаций с Брюсселем) европейцам посещать Соединенные Штаты и угрожая введением новых ограничений в торговле [Swanson]. Результат не заставил себя долго ждать: по итогам 2020 г. товарооборот между США и ЕС-27 снизился на 10%, но при этом американский торговый дефицит остался на прежнем беспрецедентно высоком уровне (см. табл. 1).

Не увенчался заметным успехом и курс Д. Трампа на то, чтобы критически сузить бизнес-возможности европейских ТНК, осуществляющих производственную деятельность на самом американском рынке. Дело в том, что подобные шаги — например, повышение таможенных тарифов на поставляемые запасные части для заводов европейских автомобильных ТНК, расположенных на территории США, — вели к сокращению занятости среди местных работников и непосредственно ударили по карману американских потребителей. В итоге от этих планов Белому дому пришлось отказаться. Как отмечалось на страницах влиятельного журнала *Foreign Policy*, поход за «европейскими скальпами», задуманный Д. Трампом, по большому счету не состоялся [Johnson]. Таков был реальный, а не пропагандистский результат «трампономики» на европейском направлении.

Вместе с тем несомненно: внешнеполитическая расстыковка Вашингтона с Брюсселем при Д. Трампе (так называемый *decoupling*) нанесла ощутимый вред политико-дипломатическому комплексу евро-атлантических отношений, основательно испортила имидж США в глазах большинства европейцев. Согласно проведенным опросам, они стали считать, что «американская политическая система пришла в негодность», что Соединенные Штаты демонстрируют «геополитическую слабость» и проигрывают экономическое и технологическое соревнование с Китаем, что «Европа не может полагаться на США в вопросах своей безопасности» [Krastev, Leonard]. Последнее мнение особен-

но примечательно, и далеко не случайно лидеры ведущих стран-членов ЕС (Германии, Франции, Испании и др.), высокопоставленные чиновники Еврокомиссии, депутаты Европарламента все чаще и настойчивее говорят о необходимости создания собственных (подлинно европейских) современных вооруженных сил как условия достижения Европой «стратегической автономии» [Феномен Трампа, с. 466–482].

Победа Дж. Байдена на президентских выборах 2020 г. и его настойчивые заверения в том, что теперь в отношениях между Соединенными Штатами и Европейским союзом будет «все как в добрые старые времена», сняли отдельные отрицательные коннотации. Но в целом евро-атлантический союз и при новой Вашингтонской администрации находится не в лучшей политической форме. Как замечают многие европейцы, «президент в США другой, но страна осталась прежней», то есть по ряду характеристик именно той, которую в течение четырех лет своего президентства упорно формировал и оставил в наследство своему приемнику Д. Трамп [Krastev, Leonard].

Вашингтону и Брюсселю с приходом правительства демократов предстояла очень нелегкая работа по восстановлению во многом утраченного взаимного доверия, сглаживанию наиболее острых углов и перезагрузке американо-европейских отношений. Политический кризис, который возник в рамках евро-атлантизма при Д. Трампе, в самом начале деятельности администрации Дж. Байдена вступил в резонанс с тяжелыми последствиями коронакризиса — социально-экономическим результатом распространения пандемии COVID-19. И США, и ведущие страны-члены Евросоюза оказались в числе государств мира, в максимальной степени пострадавших от эпидемии коронавируса (табл. 2).

Таблица 2

COVID-19: страны с наибольшим числом заражений и летальных исходов (количество и % от мирового показателя на 1.01.2021)

№	Страна	Число заражений	%	№	Страна	Число смертей	%
	Весь мир	83963772	100,00		Весь мир	1827540	100,00
1	США	20128693	23,97	1	США	347788	19,03
2	Индия	10286709	12,25	2	Бразилия	195411	10,69
3	Бразилия	7700578	9,17	3	Индия	148994	8,15
4	Россия	3153960	3,76	4	Мексика	126507	6,92
5	Франция	2697014	3,21	5	Италия	74621	4,08
6	Британия	2549689	3,04	6	Британия	74237	4,06
7	Турция	2220855	2,65	7	Франция	64892	3,55
8	Италия	2129376	2,54	8	Россия	56798	3,11
9	Испания	1928265	2,30	9	Иран	55337	3,03
10	Германия	1762637	2,10	10	Испания	50837	2,78
	США и Европа	31195674	37,2		США и Европа	612375	33,5

Источник: Johns Hopkins University. Coronavirus Resource Center. Available at: coronavirus.jhu.edu/ (accessed 02.01.2021).

Как показывают данные международной статистики, к началу текущего года на Соединенные Штаты и пять европейских стран — Францию, Великобританию, Италию, Испанию и Германию — пришлось свыше 37% всех случаев заражения COVID-19 и 33,5% смертельных исходов. И это при том, что на указанные шесть государств приходится менее 8,4% населения Земли. Такие факты в сопряжении с другими негативными показателями, мягко говоря, не способствуют росту авторитета коллективного Запада, что все чаще фиксируют исследования зарубежных экспертов [Dimitrova].

К ослаблению международных позиций Европейского союза ведет явно затянувшийся политико-дипломатический конфликт с Российской Федерацией. Замороженные диалоги по линии Брюссель — Москва, серьезно ослабленные основные механизмы торгово-экономического взаимодействия с Россией, все более частое обращение к инструментам внешнеполитического давления — все это создает труднопроходимые препятствия на треке российско-евросовских отношений в многостороннем формате, а также мешает развитию двусторонних межгосударственных связей РФ со странами-членами Евросоюза. Не внушает оптимизма и обозримое будущее. В том числе и потому, что с подачи отдельных авторитетных *Think Tanks* в европейском политическом истеблишменте пробивают себе дорогу такие контрпродуктивные подходы к России, как «принципиальное безразличие» и «жесткий курс» [Leonard].

Результат очевиден: санкции и контрсанкции уже привели к заметному сокращению торгово-экономических связей между Россией и Евросоюзом. Если в 2013 г. доля ЕС-27 в общем товарообороте РФ превышала 42%, то в 2019 г. она составила порядка 39%, а в 2020 г. на фоне пандемии и на новом витке противостояния между Брюсселем и Москвой сократилась до 33,9%. В стоимостном выражении российско-евросовская торговля в 2013–2020 гг. упала на 46%: с 355 млрд до 193 млрд долл. (табл. 3).

Таблица 3

Торговля Российской Федерации с ЕС-27 (товары, млрд долл.)

Показатель	2013	2019	2020
Общий товарооборот РФ	842,3	666,2	567,1
Товарооборот с ЕС-27	354,9	260,6	192,5
Доля ЕС-27 (%)	42,1	39,1	33,9

Источник: ITC. Trade statistics for international development. — trademap.org/Bilateral_TS.aspx

Нет необходимости доказывать, что сокращением экспорта Евросоюза в Россию воспользовались экономические конкуренты Европы, прежде всего Китай и страны Юго-Восточной Азии, в последнее время активно осваивающие сравнительно емкий российский рынок. Это и понятно, поскольку именно азиатские государства перехватили стратегическую инициативу в системе глобальных торгово-экономических связей, сделав АТР стержнем современных мирохозяйственных взаимодействий.

Индо-Пацифика: концепция и практика

Выдвижение АТР в центр мировой экономики и торговли предопределило еще один важнейший разлом в системе международных отношений — обострение конкурентной борьбы между Вашингтоном и Пекином за доминирование в этом районе мира [Heydarian].

На протяжении первых двух десятилетий текущего столетия государственные и частные китайские компании планомерно вытесняли американские корпорации с рынков АТР. Примером может служить динамика торговли с США и КНР стран-членов созданной в 1967 г. Ассоциации государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН), в которую входят Бруней, Вьетнам, Индонезия, Камбоджа, Лаос, Малайзия, Мьянма, Сингапур, Таиланд и Филиппины (табл. 4).

Таблица 4

Торговля стран АСЕАН с США и КНР (товары, млрд долл.)

Показатель	Торговля с США			Торговля с КНР		
	2001	2019	2020	2001	2019	2020
Экспорт	68,7	185,0	115,4	16,6	202,2	129,5
Импорт	48,6	111,9	74,2	19,4	305,0	166,5
Сальдо	+20,1	+73,1	+41,2	-2,8	-102,8	-37,0
Оборот	117,3	296,9	189,6	36,0	507,2	296,0

Источник: ITC. Trade statistics for international development. — trademap.org/Bilateral_TS.aspx

Подчеркнем, что благодаря участию в АСЕАН группы крупных и экономически активных государств это объединение вместе с построенными вокруг него международными структурами (Восточноазиатский саммит, Форум АСЕАН по безопасности, механизм взаимодействия министров обороны АСЕАН с партнерами) традиционно играет центральную роль в процессах сотрудничества в АТР.

В 2001–2019 гг. товарооборот США с государствами АСЕАН увеличился в 2,5 раза, тогда как аналогичный показатель КНР вырос в 14 раз и в 1,7 раза превысил объем торговли Соединенных Штатов с АСЕАН. Таким образом, менее чем за два десятилетия Китай стал главным торговым партнером стран Юго-Восточной Азии и значительно преуспел в продвижении своих интересов в целом в АТР.

В пику попыткам Пекина консолидировать свое экономическое и политическое влияние в АТР Вашингтон начал все активнее продвигать геостратегическую концепцию Индо-Тихоокеанского региона — ИТР (*Indo-Pacific Region*) [Батюк].

Строго говоря, идея ИТР не нова, она (с разной степенью интенсивности) раскручивается Белым домом уже второе десятилетие, особенно — с 2008 г., когда понятие «Индо-Пацифика» было включено во внешнеполитический дискурс администрации Б. Обамы. Но именно в последние годы, буквально на наших глазах, на карте мира

происходит рождение нового мегарегиона, простирающегося от западного побережья США до западных берегов Индии, включающего обширные акватории Индийского и Тихого океана и 24 островных и континентальных государства с общим населением около 2,7 млрд человек [Indo-Pacific Region...].

Геоконцепт ИТР формировался параллельно (и в тесной связке) с политико-дипломатическими усилиями правительств США, Австралии и Японии по созданию в этом районе земного шара так называемого «Демократического ромба безопасности Азии» в составе указанных трех государств, а также Индии как «сходно мыслящей демократической морской державы» [Karur].

Начиная с 2012 г. японский премьер-министр С. Абэ сделал концепцию институционализации ИТР лейтмотивом внешнеполитической деятельности Токио в сфере международной безопасности, в то же время подчеркивая, что она не направлена против какой-то конкретной страны. Более определенную позицию заняло правительство Австралии, которое в 2013 г. включило понятие «Индо-Пацифика» в периодически публикуемую Белую книгу по обороне. В издании 2016 г. обеспечение «стабильности в Индо-Тихоокеанском регионе» фигурировало в числе трех стратегических целей международной оборонной политики Канберры, а в качестве главной угрозы назывались возросшая военная мощь и расширяющееся присутствие в ИТР Китая [Australian Government...].

Торпедировав планы по созданию Транстихоокеанского торгового партнерства (ТТП), администрация Д. Трампа взяла на вооружение идею ИТР, о чем американский президент официально заявил в ноябре 2017 г. в Дананге (Вьетнам). С этого момента тезис о «Свободном и открытом Индо-Тихоокеанском регионе» стал одним из приоритетных во внешнеполитических выступлениях высокопоставленных представителей вашингтонского истеблишмента. Например, растущую глобальную значимость ИТР отметил министр обороны США Дж. Мэттис в Сингапуре в начале июня 2018 г. По сути, тогдашний глава Пентагона сформулировал стратегию сдерживания КНР, включившую в себя не только противодействие политико-экономическому влиянию Пекина, но и последовательное увеличение американского военно-морского присутствия в Индо-Пацифике. С этой целью старейшее и самое крупное Тихоокеанское командование США было дополнительно усилено и преобразовано в Индо-Тихоокеанское командование (*USINDOPACOM*) [Remarks by Secretary...].

Далее события развивались по нарастающей. 1 июня 2019 г. Пентагон опубликовал пространный документ (64 страницы) под названием «Индо-Тихоокеанский стратегический доклад. Готовность, партнерство и продвижение региональной сети», ставший важной составной частью обновленной военно-политической стратегии Вашингтона на обозримую перспективу. В докладе констатировалось, что в ИТР наблюдался опасный для США сдвиг в региональном балансе сил в пользу других стран, включая Китай — «ревизионистскую державу», Россию — «ожившего злого актора» и Северную Корею — «несостоявшееся», а потому вдвойне опасное государство. Чтобы остановить и повернуть вспять неблагоприятное для Соединенных Штатов и их союзников разви-

тие событий, авторы доклада предлагали не только укреплять военное сотрудничество с «мощной группой союзников и партнеров», но и наращивать на пространстве ИТР критически важные торгово-экономические связи [The Department of Defense...].

Особое место в планах Вашингтона заняла Индия, чей колоссальный демографический потенциал, динамично растущая экономика, сильный ИТ-сектор, накопленная (в том числе благодаря многолетнему сотрудничеству с Россией) значительная оборонная мощь и, главное, длительная напряженность в отношениях с КНР (особенно после проигранной Индией пограничной войны 1962 г.) могли в обозримом будущем сделать эту «крупнейшую мировую демократию» противовесом китайскому влиянию в ИТР.

Как отмечалось в аналитических разработках Фонда Карнеги (*Carnegie Endowment for International Peace*), в стремлении «разыграть индийскую карту» США рассчитывали использовать все более отчетливые «великодержавные амбиции Индии», намерения Нью-Дели дипломатическим путем и с помощью инвестиций теснее привязать к себе расположенные в Индийском океане островные государства (Шри-Ланку, Мальдивы, Сейшелы, Маврикий), а также сделать заявку на геополитическое присутствие в юго-западной части Тихого океана. Индия, отмечали эксперты Фонда, в стратегическом плане рассматривает Индо-Пацифику как «театр новых экономических и политических возможностей» [Vaquah].

В то же время, форсированный экономический рост в Индии и Китае способствовал расширению торговых и инвестиционных связей между двумя крупнейшими азиатскими державами. Как и в отношениях с десятками других государств на всех континентах, китайские компании развернули мощную экспансию на индийских рынках, благодаря чему уже в конце первого десятилетия XXI в. Китай стал для Индии главным торговым партнером, заметно опередив Соединенные Штаты. В 2010-х годах эта тенденция закрепились: в 2019 г. китайский товарный экспорт в Индию практически вдвое превысил аналогичный показатель США (табл. 5).

Таблица 5

Торговля Индии с США и КНР (товары, млрд долл.)

Показатель	Торговля с США			Торговля с КНР		
	2001	2010	2019	2001	2010	2019
Экспорт	8,4	23,6	54,3	0,9	17,4	17,3
Импорт	3,2	22,6	34,9	1,8	41,3	68,4
Сальдо	+5,2	+1,0	+19,4	-0,9	-23,9	-51,1
Оборот	11,6	46,2	89,2	2,7	58,7	85,7

Источник: ITC. Trade statistics for international development. — trademap.org/Bilateral_TS.aspx

Усилившаяся торгово-экономическая связанность Индии и Китая, наряду с растущим сотрудничеством КНР с государствами АСЕАН, существенно затруднили реализацию планов Вашингтона по переводу имеющей очевидную антикитайскую подоплеку индо-тихоокеанской концепции в русло реальной политики.

«Стратегический алмаз» для сдерживания Китая

Сильный геостратегический ход был сделан Пекином 15 ноября 2020 г., когда на саммите АСЕАН в Ханое в режиме онлайн руководители Китая, а также Австралии, Новой Зеландии, Республики Корея, Японии и 10 стран-членов АСЕАН заключили соглашение о Всеобъемлющем региональном экономическом партнерстве (ВРЭП). По сути, речь шла о создании крупнейшей в мире зоны свободной торговли. В условиях мирового наступления сторонников протекционизма во главе с уходящей администрацией Д. Трампа это выглядело заявкой на реанимацию экономической глобализации, но уже под эгидой Китая и преимущественно в региональном разрезе [The meaning of RCEP...].

Заметим, что почти на всех этапах в длившихся с 2012 г. переговорах о ВРЭП принимала участие Индия, пока воздержавшаяся от подписания соглашения, но предусмотрительно оставившая за собой возможность сделать это в будущем. Однако и без Индии масштабы ВРЭП впечатляют: на страны-участницы приходится порядка трети населения планеты и свыше 30% мирового ВВП.

По условиям соглашения о ВРЭП, в ближайшие два десятилетия в торговле между его участниками будут отменены пошлины на большинство промышленных товаров, а также осуществится либерализация обмена многими коммерческими услугами, включая финансовые и телекоммуникационные. Кроме того, вступят в действие новые современные правила ведения электронной коммерции, реализации инвестиционных программ, внутрирегиональной миграции рабочей силы, защиты прав интеллектуальной собственности. Все это придает ВРЭП сравнительно продвинутый институциональный характер, а для компаний и банков КНР, как самого мощного участника и главного бенефициара данного интеграционного проекта, значительно расширяет возможности дальнейшей торгово-экономической экспансии на рынках государств Тихоокеанской Азии [McDonald].

Следующий шаг, усиливающий глобальные позиции китайского бизнеса, был сделан Пекином через полтора месяца — 30 декабря 2020 г., когда на видео-саммите глав государств Европейского союза и КНР достижением принципиальной договоренности завершились начатые в 2013 г. переговоры по Всеобъемлющему инвестиционному соглашению (ВИС) между ЕС и Китаем.

В основе этой договоренности лежало признание обеими сторонами резко возросшей стратегической значимости взаимных финансово-экономических связей, необходимости устранить имеющиеся разногласия, разрешить споры и расчистить путь к форсированному наращиванию перекрестных инвестиций. Учитывая сложное хозяйственное положение большинства европейских стран и их непростые торговые отношения с США, Пекин, выражаясь предельно цинично, сделал попытку «перетянуть одеяло на себя» и привлечь Евросоюз обещанием существенно расширить для европейских компаний, включая высокотехнологичные, возможности выхода на емкий китайский рынок. Как весьма оптимистично прокомментировала ситуацию председатель

Еврокомиссии Урсула фон дер Ляйен, ВИС «предоставит европейским инвесторам беспрецедентный доступ к рынку КНР, позволит нашему (евросовскому. — П.Я.) бизнесу расти и создавать рабочие места» [EU and China...].

Договоренность об инвестиционном сотрудничестве с Евросоюзом полностью укладывается в новую экономическую стратегию Пекина, обнародованную в мае 2020 г. Так называемая стратегия «двойной циркуляции» ставит целью достижение органичной взаимодополняемости внутреннего и внешнего рынков — в частности, предусматривает ускоренное развитие национальной экономики с помощью широкомасштабного привлечения иностранных инвестиций. С этой точки зрения соглашение с ЕС представляется для КНР более чем перспективным [Dual circulation...].

Пекин, на наш взгляд, не случайно добился благополучного завершения долгих и трудных переговоров с партнерами в АТР и Европе практически одновременно. Таким способом китайское руководство синхронно продвинуло свои геостратегические интересы в двух важнейших мировых регионах.

Заканчивавшая свой турбулентный срок пребывания в Белом доме администрация Д. Трампа передала эстафету политики противодействия влиянию Китая в АТР правительству Дж. Байдена. Новый американский президент, не теряя времени, предпринял значимые внешнеполитические шаги в многостороннем формате, чтобы поставить под антикитайские знамена ключевые державы региона и превратить Индо-Пацифику из сравнительно аморфной концептуальной конструкции в жесткую геополитическую реальность. С этой целью в Вашингтоне было решено незамедлительно реанимировать уже почти забытую идею С. Абэ и совместными силами США их союзников образовать устойчивую региональную конфигурацию в виде «стратегического алмаза» для военно-политического и экономического сдерживания Китая в Тихоокеанской Азии [Liang].

На роль «алмаза» был выбран извлеченный из исторического анабиоза *Quad* – четырехсторонний диалог по проблемам безопасности (*Quadrilateral Security Dialogue*), участниками которого с 2007 г. в значительной мере формально являются Соединенные Штаты, Япония, Австралия и Индия.

С тем, чтобы придать *Quad* «второе политическое дыхание», 12 марта 2021 г. прошел первый в истории этого объединения саммит «четверки» — государств-членов, лидеры которых в виртуальном режиме предприняли попытку перезапустить этот международный механизм. В вашингтонских коридорах власти специально подчеркивалось стремление США и их партнеров сделать *Quad* постоянно действующим фактором многосторонней дипломатии в Индо-Тихоокеанском регионе и привлечь к его работе максимально возможное число азиатских стран. В частности, в ряду потенциальных участников своего рода *Quad Plus* упоминались Вьетнам, Индонезия, Новая Зеландия, Республика Корея [Fact Sheet...].

Сейчас сложно прогнозировать будущее *Quad*, в том числе его реальную роль в сдерживании Китая. Но в международном экспертном сообществе обратили внимание на

обсуждение «четверкой» таких конфликтогенных вопросов, как «китайское давление на Австралию», «претензии Пекина на японские острова Сенкаку», «агрессивные действия КНР на границе с Индией (в частности, размещение там 50-тысячной армейской группировки)», решимость Китая в удобный для него момент «сломать сложившийся статус-кво» и т. д. Сообщалось и о намерении *Quad* в ближайшее время провести военно-морские маневры в Бенгальском заливе, в ходе которых предполагается отработать методы «совместного отпора китайской угрозе». Не удивительно, что политические итоги саммита *Quad* вызвали обеспокоенность в пекинском руководстве, усмотревшем в позиции «четверки» потенциал эскалации напряженности в Тихоокеанской Азии [Asthana].

Повышенная активность американской дипломатии на обширных пространствах Индийского и Тихого океанов прямо указывает на то, что в Вашингтоне концепция ИТР все чаще рассматривается как региональный стержень направленной на противодействие КНР глобальной стратегии Соединенных Штатов, к практической реализации которой они подключают своих союзников в Индо-Пацифике. Организационной формой «алмазной коалиции» для сдерживания Китая должен стать своего рода *Quad Alliance* – возглавляемый США альянс стоящих (хотя бы частично) на прозападных позициях «индо-тихоокеанских демократий».

Развитие событий по такому сценарию способно обнажить макрополитический нерв в крупнейшем мировом регионе и вызвать международный эффект с трудно регулируемы последствиями, включая каскадный взрыв региональных конфликтов.

Вызовы и возможности для России

Многие накопленные за последние годы факты говорят о том, что главный геополитический разлом в АТР произошел по линии стратегического противостояния между США и КНР. Причем каждая из конкурирующих сверхдержав, сознавая гигантский масштаб стоящих перед ней задач, формирует свою «группу поддержки». Если в «американской» группе ключевыми фигурами стали Япония и Австралия, то «китайскую» невозможно представить без России, особенно с учетом российско-китайского сближения последних лет, что было подтверждено в ходе рабочего визита министра иностранных дел РФ С.В. Лаврова в Китай во второй половине марта 2021 года [О рабочем визите...]. Об этом убедительно свидетельствует и экспоненциальный рост торговли между двумя соседними державами, объем которой в 2001–2019 гг. вырос в 15 раз, превысив отметку в 110 млрд долл. Даже в коронакризисном 2020 г. он остался на уровне свыше 100 млрд долл. (табл. 6).

Повышенный интерес Москвы к событиям, происходящим в АТР, более чем понятен. Являясь крупнейшей (по территории) азиатской и тихоокеанской державой, Российская Федерация глубоко вовлечена в экономические и политические процессы, разворачивающиеся на пространстве АТР, и не может не реагировать на значимые дипломатические инициативы, которые уже оказывают либо могут оказать в дальнейшем

влияние на расстановку сил в Тихоокеанской Азии. Разумеется, официальная Москва не могла пройти мимо настойчиво проводимой Вашингтоном и его союзниками политики институционализации Индо-Пацифики.

Таблица 6

Торговля России с Китаем (товары, млрд долл.)

Показатель	2001	2010	2018	2019	2020
Экспорт	5,6	19,8	56,0	56,8	48,9
Импорт	1,7	48,0	52,2	54,1	54,9
Сальдо	+3,9	-28,2	+3,8	+2,7	-6,0
Товарооборот	7,3	67,8	108,2	110,9	103,8

Источник: ITC. Trade statistics for international development. — trademap.org/Bilateral_TS.aspx

Как отмечал С.В. Лавров, российская сторона негативно относится к попыткам правящих кругов западных государств переформатировать АТР и с этой целью внедрить во внешнеполитический дискурс термин «Индо-Тихоокеанский регион». По мнению российского руководства, таким образом создается нечто прямо противоположное преимущественно дееспособным международным структурам, уже построенным в АТР, в частности, вокруг АСЕАН. Существующие структуры, с точки зрения Москвы, носят объединительный формат, поскольку «вовлекают все страны Азиатско-Тихоокеанского региона, позволяют вести диалог на равноправной основе и достигать взаимоприемлемых компромиссов и договоренностей». В отличие от этого в целом конструктивного подхода, мероприятия, которые проводятся в рамках индо-тихоокеанской стратегии, «основываются на блоковом мышлении, создании блоков не в пользу позитивного процесса, а против определенных стран» [Интервью министра...].

Российская дипломатия не случайно приводит в пример АСЕАН. Развитие отношений с указанной группой государств стало одной из приоритетных целей политики Москвы в АТР. В 2001–2019 гг. товарооборот России со странами АСЕАН в стоимостном отношении вырос почти в 10 раз (табл. 7). Но при этом объем торговли РФ с «десяткой» составил менее 18 млрд долл., что не отвечает ни возможностям (и потребностям) российской экономики, ни хозяйственному потенциалу АСЕАН, в состав которой входят такие экономически сильные государства, как Сингапур, Вьетнам, Малайзия, Индонезия, Таиланд. Интенсификация и расширение взаимовыгодных торговых и инвестиционных обменов с этими и другими азиатско-тихоокеанскими странами остается вызовом российской дипломатии.

Таблица 7

Торговля России со странами АСЕАН (товары, млрд долл.)

Показатель	2001	2010	2014	2019	2020
Экспорт	1,2	6,5	11,8	7,0	5,6
Импорт	0,6	5,6	9,0	10,4	10,1
Сальдо	+0,6	+0,9	+2,8	-3,4	-4,5
Товарооборот	1,8	12,1	20,8	17,4	15,7

Источник: ITC. Trade statistics for international development. — trademap.org/Bilateral_TS.aspx

Новые краски в палитру отношений Российской Федерации с АСЕАН добавила борьба международного сообщества с пандемией коронавируса COVID-19. В частности, в 20-х числах марта 2021 г. Вьетнам стал 56-м государством мира, официально одоббившим применение российской аденовирусной вакцины «Спутник V» [Алексеев]. Важно, что это решение вьетнамских властей открывало путь не только поставкам российского препарата, но и проработке вопроса о локализации его производства — выходу на более высокий уровень сотрудничества РФ с восточноазиатскими партнерами.

В широком политическом плане взаимодействие России со странами-членами АСЕАН призвано стать одним из стабилизирующих факторов обстановки в АТР. По мнению президента РФ В.В. Путина, АСЕАН, наряду с Шанхайской организацией сотрудничества (ШОС) и Евразийским экономическим союзом (ЕАЭС), — пример интеграционного проекта, участники которого «могут взаимодействовать в интересах всего региона, гармонично и эффективно дополняя друг друга». Продвижение вперед разнопрофильных объединительных процессов и сопряжение усилий ШОС, ЕАЭС и АСЕАН может способствовать реализации выдвинутой Россией инициативы «создания Большого Евразийского партнерства как единого, широкого и открытого пространства безопасности и взаимовыгодного экономического и гуманитарного сотрудничества» [Восточноазиатский саммит].

Цель такого рода инициатив ясна — они ориентированы на предотвращение новых торгово-экономических и военно-политических расколов в АТР, и особенно на недопущение открытой вооруженной конфронтации в различных точках этого взрывоопасного района земного шара.

* * *

На выходе из стресса, вызванного пандемией COVID-19, мировое сообщество сталкивается с сотканной из противоречий, соперничества и конфликтов глобальной ситуацией, отмеченной рядом геополитических разломов и сравнительно новых трендов, дальнейшее развитие которых может вызвать капитальную трансформацию нынешней системы международных отношений.

Утрачивает былую роль экономического и политического лидера Европейский союз, значительный ущерб нанесен евро-атлантической солидарности, острый характер приобрело расхождение во взглядах на мир между Москвой и Брюсселем. В итоге неизвестно на какой срок похоронена еще недавно казавшаяся привлекательной и близкой к реализации идея «Большой Европы от Лиссабона до Владивостока».

В пространство крупных геополитических сдвигов и глубоких стратегических расколов превратилась Тихоокеанская Азия. Это приобретает первостепенное значение, поскольку, согласно многочисленным экспертным прогнозам, текущее столетие станет веком АТР, где будут происходить все важнейшие общемировые события торгово-экономического, научно-технологического и военно-политического характера.

В отличие от большинства стран мира, чьи экономики сократились в объемах в период пандемии коронавируса, экономический рост Китая хотя и замедлился, но не был остановлен. На этом фундаменте КНР продолжила наращивать свои позиции в двух ключевых районах мира — АТР и Европе. С учетом того, что в течение первых десятилетий XXI в. Китай беспрецедентно расширил свое торгово-экономическое присутствие в Африке и Латинской Америке, он реально превратился в могучую глобальную державу, бросившую вызов многолетнему доминированию США на мировой арене.

Вашингтон, в свою очередь, после «смутных лет» Д. Трампа стремится сгладить острые углы и перезагрузить отношения с Европейским союзом, перехватить стратегическую инициативу в АТР и, в русле индо-тихоокеанской концепции, противостоять усилению китайского влияния. Похоже, что именно на просторах Тихого и Индийского океанов развернется основная конкуренция между двумя глобальными центрами силы XXI в. — США и Китаем, что ставит перед отечественной дипломатией исключительно сложные задачи по защите политических и экономических интересов России в этом конфликтно-генном и турбулентном районе мира.

Литература

- Алексеев Д. Помощь в руку: «Спутник V» одобрили почти в 60 странах мира // Известия. 23.03.2021.
- Батюк В.И. Индо-Тихоокеанская стратегия США и Евразия // Актуальные проблемы Европы. 2021. № 1. С. 135–153.
- Восточноазиатский саммит // Сайт президента России. 14.11.2020. — URL: kremlin.ru/events/president/news/64417 (date of access: 01.04.2021).
- Интервью Министра иностранных дел Российской Федерации С.В. Лаврова СМИ Республики Корея, Москва, 23 марта 2021 года // МИД РФ. 23.03.2021. — URL: mid.ru/posledniye_dobavlnenniye/-/asset_publisher/MCZ7HQuMdqBY/content/id/4648117 (date of access: 01.04.2021).
- О рабочем визите Министра иностранных дел Российской Федерации С.В. Лаврова в Китайскую Народную Республику // МИД РФ. 23.03.2021. — URL: mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/4647946 (date of access: 01.04.2021).
- Феномен Трампа: монография / под ред. А.В. Кузнецова. М. 2020.
- Яковлев П.П. Время европейских тревог: Евросоюз в меняющейся системе координат // Перспективы. Электронный журнал. 2019. № 3 (19). С. 68–82. — URL: http://www.perspektivy.info/upload/iblock/b40/3_2019_1_68_82.pdf (дата обращения: 01.04.2021).
- Яковлев П.П. Трансатлантическое партнерство: контекст, значение, проблемные аспекты // Перспективы. Электронный журнал. 2016. № 4 (8). С. 25–40. — URL: http://perspektivy.info/upload/iblock/b5c/4_2016_1.pdf (дата обращения: 01.04.2021).
- Asthana S.B. Quad Summit 2021: Why is China Rattled? // Financial Express. 14.03.2021. — URL: financialexpress.com/defence/quad-summit-2021-why-is-china-rattled/2212544 (date of access: 01.04.2021).
- Australian Government. Department of Defence. 2016 Defence White Paper. — URL: defence.gov.au/whitepaper/ (date of access: 10.02.2021).

- Baruah D.* India in the Indo-Pacific: New Delhi's Theater of Opportunity // Carnegie Endowment for International Peace. 30.06.2020. — URL: carnegieendowment.org/2020/06/30/india-in-indo-pacific-new-delhi-s-theater-of-opportunity-pub-82205 (date of access: 01.04.2021).
- Countering America's Adversaries Through Sanctions Act // congress.gov. — URL: congress.gov/bill/115th-congress/house-bill/3364/text (date of access: 01.04.2021).
- The Department of Defense. Indo-Pacific Strategy Report. Preparedness, Partnerships, and Promoting a Networked Region. June 1, 2019. — URL: media.defense.gov/2019/Jul/01/2002152311/-1/-1/1/DEPARTMENT-OF-DEFENSE-INDO-PACIFIC-STRATEGY-REPORT-2019.PDF (date of access: 01.04.2021).
- Dimitrova A.* The State of the Transatlantic Relationship in the Trump Era // European Issues. 04.02.2020. №545. P. 1–6.
- Dual circulation: China's new economic strategy // European Council on Foreign Relations. 12.03.2021. — URL: ecfr.eu/podcasts/episode/dual-circulation-chinas-new-economic-strategy/ (date of access: 01.04.2021).
- EU and China reach agreement in principle on investment. Brussels. // European Commission. 30.12.2020. — URL: trade.ec.europa.eu/doclib/press/index.cfm?id=2233 (date of access: 01.04.2021).
- Fact Sheet: Quad Summit // The White House. 12.03.2021. — URL: whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2021/03/12/fact-sheet-quad-summit/ (date of access: 01.04.2021).
- Geranmayeh E., Hackenbroich J.* 2020: The year of economic coercion under Trump // European Council on Foreign Relations. 17.02.2020. — URL: ecfr.eu/article/commentary_2020_the_year_of_economic_coercion_under_trump/ (date of access: 01.04.2021).
- Heydarian R.J.* Asia's New Battlefield: The USA, China and the Struggle for the Western Pacific. London. 2015.
- Indo-Pacific Region. Countries of the Indo-Pacific Region. — URL: cloworld.biz/indo-pacific/ (date of access: 10.02.2021).
- Johnson K.* Europe Is the New Front in Trump's Trade War // Foreign Policy. 23.01.2020. — URL: foreignpolicy.com/2020/01/23/europe-new-front-trump-trade-war-davos-wef/ (date of access: 01.04.2021).
- Kapur A.* Geopolitics and the Indo-Pacific Region. N.Y. 2020.
- Krastev I., Leonard M.* The crisis of American power: How Europeans see Biden's America // Foreign Policy. 19.01.2021. — URL: ecfr.eu/publication/the-crisis-of-american-power-how-europeans-see-bidens-america/ (date of access: 01.04.2021).
- Leonard M.* The Russia Strategy Europe Needs // Project Syndicate. 19.02.2021. — URL: prosyn.org/x38tYph (date of access: 01.04.2021).
- Liang Y.* Biden on China: Decoupling or Competitive Re-coupling? // Global Research. 22.02.2021. — URL: globalresearch.ca/biden-china-decoupling-competitive-re-coupling/5737945 (date of access: 01.04.2021).
- McDonald T.* What is the Regional Comprehensive Economic Partnership (RCEP)? // BBC. 16.11.2020. — URL: bbc.com/news/business-54899254 (date of access: 01.04.2021).
- The meaning of RCEP, the world's biggest trade agreement // The Economist. 15.11.2020. — URL: economist.com/finance-and-economics/2020/11/15/the-meaning-of-rcep-the-worlds-biggest-trade-agreement (date of access: 01.04.2021).
- Remarks by Secretary Mattis at Plenary Session of the 2018 Shagri-La Dialogue // U.S. Dept of

Defense. 02.06.2018. — URL: [defense.gov/Newsroom/Transcripts/Transcript/Article/1538599/remarks-by-secretary-mattis-at-plenary-session-of-the-2018-shangri-la-dialogue/](https://www.defense.gov/Newsroom/Transcripts/Transcript/Article/1538599/remarks-by-secretary-mattis-at-plenary-session-of-the-2018-shangri-la-dialogue/) (date of access: 01.04.2021).

Swanson A. Trump Administration Escalates Tensions With Europe as Crisis Looms // The New York Times. 12.03.2020.

Яковлев П. Ключевые разломы в системе международных отношений // Перспективы. Электронный журнал. 2020–2021. №4/1. С. 129–144